

Юдина В. И.
V. I. Yudina

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ:
ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ**

**FOLK MUSIC IN CULTURE OF THE RUSSIAN PROVINCE: ISSUES OF CULTURAL
DIFFERENCES AND THEIR ATTRIBUTION**

Юдина Вера Ивановна – доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории музыки Орловского государственного института культуры (Россия, Орел). E-mail: udina@orel.ru.

Ms. Vera I. Yudina – Doctor in Cultural Studies, Professor, Department of Theory and History of Music, Oryol State Institute of Culture (Russia, Oryol). E-mail: udina@orel.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка провести культурологический анализ музыкального фольклора в культуре российской провинции. Делается вывод о том, что, будучи значимым фактором сохранения национальной культурной традиции, народная песня в многообразии ее жанровых и региональных вариантов является своеобразным «самоописанием» российской провинции, ее пространственных, ментальных свойств.

Summary. The article presents an attempt to carry out the cultural analysis of folk music in culture of the Russian province. The author made the conclusion that the folk song in variety of its genre and regional options as a significant factor of preservation of national cultural tradition is a peculiar way of the Russian province "self-description", its spatial and mental properties.

Ключевые слова: традиционная культура, провинция, музыкальный фольклор, субкультура, семантика фольклора, локально-региональная музыкальная традиция, ареальные исследования, провинциология.

Key words: traditional culture, province, folk music, subculture, semantics of folklore, local and regional musical tradition, areal researches, provinceology.

УДК 130.2+398

В ряду доминантных категорий, характеризующих своеобразие русской провинции, едва ли не первое место занимает традиционализм (традиционность) (см. прим. 1). Вместе с тем, вопрос о соотношении дефиниций «провинциальная культура» и «традиционная культура» требует прояснения. Эти понятия в современной культурологии разрабатываются весьма активно, однако обычно в «параллельных плоскостях». Иногда имеет место их уподобление. В.Ю. Афиани, например, дает аналоговый ряд «традиционной, патриархальной, крестьянской, провинциальной культуры» [1, 36], указывающий на их синонимичность.

Современная провинциология (И.Л. Беленький, Т.С. Злотникова, В.Н. Козляков, М.А. Орешина и др. – подробнее см. [15, 7-20]) явно тяготеет к определению традиционалистских основ своего предмета. Во многих современных исследованиях утверждается мысль о том, что провинция выступает хранительницей национальных основ, предстает «как мир культурной традиции и инерции, <...> как особый социокультурный феномен, хранитель консервативных ценностей, архаического сознания» [7, 48-50]. Например, В.В. Балахонский в качестве одной из основных функций провинциальной культуры выделяет функцию «носительницы народных традиций, благодаря которой от поколения к поколению передаются и воспроизводятся обычаи, предания, верования, обрядность, определенные жизненные установки, характерные для национальной культуры» [2, 231]. По мысли автора, именно это обуславливает преемственность и стабильность – базовые характеристики провинциальной культуры.

Значительная роль традиционализма сказывается в формировании особого типа провинциальной культуры с доминированием традиционных элементов, когда народное традиционное искусство определяет своеобразие культурной жизни региона (наряду с другими моделями, где в качестве доминант выступает усадебное «культурное гнездо» или провинциальный город – губернский или уездный). Сознательная установка на традицию декларируется через активное распространение народных художественных промыслов, разработку народной темы в творчестве выдающихся представителей региональной/мировой культуры. В музыке – это культивирование традиционных фольклорных форм, которые в условиях доминирования светского, профессионально-ориентированного искусства оказываются способны к воспроизводству в новом качественном состоянии. Показательна, например, история возникновения и развития баянной культуры в Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Опора провинции и провинциальной культуры на традицию особенно отчетливо предстает на фоне ее соотношения с характерной столице ориентацией на новацию. Провинция не только сохраняет традиции, но прежде всего их порождает и развивает. В частности, все формы традиционной русской музыкальной культуры своим происхождением обязаны провинции. Внедряемый европейский музыкальный опыт долгое время противостоял господствовавшему в русской глубинке традиционному музыкальному быту, который существовал в фольклорной и церковно-певческой форме. По сути, до советского периода (а точнее, до момента распространения СМИ) деревня в наибольшей степени находилась на «охранительных» позициях. В провинциальном городе и усадьбе традиционная музыка продолжала развиваться как особый субкультурный пласт параллельно остальным (светским, профессиональным или любительским формам – в городе) или в общем конгломерате музыкальных пластов (в условиях повседневного усадебного быта). В советский период возобладали иные способы бытования фольклора. Его традиционно-аутентичные формы имели очень ограниченное хождение: отдельные реликтовые элементы в деревнях и селах, сохраняемые преимущественно представителями старшего поколения, были частично воспроизведены на концертной сцене коллективами энтузиастов (яркий пример – ансамбль п/у Д. Покровского). Широкое распространение получил советский фольклор преимущественно профессионализированного характера (полупрофессиональная народная самодеятельность).

И сегодня народное творчество, фольклор остаются мощным средством «самоописания» провинциальной культуры, сохраняя связь с коренными принципами мировоззрения народа.

В современной науке преобладает универсальная трактовка фольклора, позволяющая включать сюда значительную часть современной народной культуры (С.Ю. Неклюдов, К.В. Чистов, А.В. Костина). Для исторического исследования музыкальной культуры русской провинции не потеряло свою значимость устоявшееся представление о фольклоре как о народной крестьянской культуре, связанной с ее архаическими пластами (В.Я. Пропп). В современных условиях доминирования нефольклорных форм традиционная культура и фольклор наиболее полно выявляет ценность национальной культуры, в том числе и в ее провинциальном аспекте, в особенности с семантической точки зрения. «В фольклорной форме интегрировалась, закреплялась и аккумулировалась традиционная информация, выработанная этносом или его локальной группой. Мы имеем в виду этническое самосознание, этнические установки, легенды о происхождении народа и его контактах с другими народами, историческую память, отливавшуюся в предания и легенды, передачу мифологической традиции и реализацию мифов и верований, осмысление обрядов и традиций материальной культуры, символизацию явлений материальной культуры, интеграцию стереотипов соционормативной культуры и т.д., и т.п. <...> Все это обусловило семантическую насыщенность фольклора, его роль интегратора, мощного системообразующего фактора традиционной культуры» [13, 8-9].

Семантика традиционного крестьянского фольклора определяется сознанием, духовным строем, всем комплексом ментальности человека, связанного с русской землей, создающего свой мир и свое бытие в согласии с нею и по ее законам. И традиционное искусство

здесь всегда выступало своеобразным посредником между человеком и его трудом, средством естественного взаимодействия с осваиваемым им пространством, областью эмоционально-образного отражения окружающего мира в совокупности заданных природой и принятых человеком ценностно-смысловых координат.

Пожалуй, музыкальный фольклор едва ли не самый актуальный и постоянный спутник сельчанина в его культуротворческом процессе. Хрестоматийное выражение Н.В. Гоголя как нельзя лучше демонстрирует эту взаимосвязь. «Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и как грибы вырастают города. По песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек...» [3, 309].

Сложение провинциального культурного ландшафта – длительный исторический процесс в системе национально-государственного устройства Руси – России, который имел свою художественную составляющую. Ее изначальный аудиально-звуковой компонент представляет народное песенное и инструментальное творчество русского этноса, развитие которого демонстрирует сохранность значительной части культурного наследия древнейших эпох (восточнославянской общности) до наших дней.

Доминантность провинциального фактора в развитии русского музыкального фольклора представляется очевидной. Фольклор своим происхождением обязан, прежде всего, русской деревне: это его «питательная среда» и «среда обитания». Земледельческая крестьянская община – основная сфера бытования народной музыкальной культуры. Музыка пронизывала все окружение крестьянина, сопровождала труд, праздник, участвовала во всех событиях личной и общественной жизни. В селе творчество рождалось естественно, органично, из самих условий жизни.

С этой средой теснейшим образом был связан среднерусский провинциальный город, большую часть своей дореволюционной истории (по крайней мере, до второй половины XIX в.). Именно в этих условиях шло сложение системы жанров музыкального фольклора.

История русского музыкального фольклора – это процесс формирования его жанрово-видового многообразия в контексте освоения новых территорий и сложения пространства русской провинции. Славянские племена (кривичи, вятичи, древляне, поляне, северяне и др.) постепенно осваивали новые земли, торгово-промысловым путем, православной миссионерской деятельностью, массовыми крестьянскими переселениями продвигаясь на север, восток, юг, на Волгу, на Урал и в Сибирь. Этот процесс, не прекращавшийся и в XX в., приводил к образованию локальных групп русского населения. Так, возникали региональные/локальные варианты русской традиционной культуры и музыкального фольклора, в частности. «Развитие народной культуры происходило в реальном времени и пространстве, а потому синхронный срез любой локальной традиции фиксирует момент пересечения временной, территориальной и этнокультурной динамики ее развития. <...> Фольклорная традиция в целом представляет собой непрерывный динамический процесс внутреннего структурно-стилевого развития и внешнего территориального развертывания» [9, 176].

Региональная/локальная музыкальная традиция, рассматриваемая и каждая в отдельности, и в общей системе хронологического и топологического развития фольклора, представляет собой базисно-автохтонный слой провинциальной музыкальной культуры.

На сегодняшний день проблема создания детализированной провинциальной картины русской музыки устной традиции остается актуальной, не смотря на широко развернувшиеся во второй половине XX в. ареальные исследования. «Можно сказать, что окончательное признание отсутствия единой системы русского фольклора – будь то жанровая система, ладовая, ритмическая, тембральная или фактурная, – только сейчас, да и то с боями, становится если не аксиомой, то, по крайней мере, самой фундаментальной рабочей гипотезой современного русского этномузыкознания. В этом русле находятся все последние достижения и буквально открытия отечественной науки, связанные с целенаправленным обследованием русских эт-

нических территорий и с первыми серьезными опытами картографирования добытых в поле и аналитически обработанных сведений.

Очевидно, что если современное русское этномузыкальное знание еще и не вполне научилось, но упорно учится переходить от романтического и, скажем, идейно-политического общерусского единства (критическим испытанием которого явился произошедший на наших глазах распад бывшей Российской империи) к реальному богатству конкретных локальных традиций ...» [6, 298-299].

В частности, утвердившееся в современном отечественном этномузыкальном знании понимание народного творчества не как единого целого, а как регионально/ локальной целокупности – системы (В.А. Лапин, В.М. Щуров), солидарное с другими отраслями фольклористики – лингвистикой, филологией, этнографией (В.М. Жирмунский, С.П. Праведников, Б.Н. Путилов, Н.И. Толстой, К.В. Чистов), позволяет осуществить провинциальную атрибуцию русской музыкальной традиции с точки зрения совокупности региональных, локальных, местных, диалектных особенностей. Не заостряя внимания на специфике взаимоотношения данных категорий (что было сделано нами ранее [16]), подчеркнем здесь особую значимость своеобразной провинциальной мифопоэтики русской музыкальной традиции.

Мифопоэтизация провинции определяется через наделение провинциального пространства смыслопорождающими свойствами, к числу которых относится и укорененность в природе, приближенность к истокам, устойчивость традиций, неизменчивость жизненного уклада, несуетность, размеренность и замедленность ритма жизни, проявляющиеся как в самом искусстве, прежде всего традиционном, так и в характере музыкальной практики (в «запаздывании» внедрения музыкальных новаций в музыкальный быт провинции и в специфике действия адаптационных механизмов).

Как результат переработки хронотопических свойств провинциального духовно-ментального пространства определяется мифопоэтическое значение таких категорий, как ширь, долготы, протяженность, неспешность, замедленность/медлительность. Музыкальными знаками провинции становятся музыкальные образы – символы, традиционно воспринимаемые в русском искусстве в контексте русского пространства как шири, дали, необъятности, глубины. Это образы дороги, реки, леса, степи и соответствующие им музыкально-психологические состояния, имеющие в музыке довольно длительную историю, которая своими корнями уходит в фольклорную традицию и развивается в творчестве корифеев отечественной музыки XX в. Г.В. Свиридова и В.А. Гаврилина.

«Природная основа и природная специфика культурного ландшафта Провинции ясно читается и, несомненно, переживается населением. Оно знает и ценит природные памятники своей территории наряду с культурными» [8]. Русская традиционная музыка выступает как яркий репрезентант природных начал русской традиционной культуры – в темах, образах, жанровом своеобразии. Именно природные особенности обусловили сложение жанровой системы фольклора: благоприятные для земледелия условия определили распространенность песен аграрного цикла на исконной территории расселения русских, ныне русско-белорусско-украинского пограничья. По сравнению с этим на русском Севере в основной массе распространение получили отдельные календарные жанры преимущественно зимнего периода (новогодние, рождественские колядки, именуемые здесь виноградьями) как отражение свойственных данному климатическому поясу ограниченных сельскохозяйственных возможностей [14, 14].

Природно-климатические факторы определяют характер бытования и исполнительскую манеру каждой региональной/местно-локальной традиции. Так, на Вологодчине использование музыкально-звуковых сигналов при разнообразных сельскохозяйственных работах учитывает особенности лесистой территории: рекомендуется прислониться к высокому, мощному дереву, чтобы голос поднимался по дереву и сверху разносился по всему лесу [10, 7]. В средней полосе, на юге преобладает пение на открытом воздухе – отсюда хождение названия «улишные», относимое и к трудовым (покосные, жатвенные исполнялись во время движения на полевые работы и с них), и к хороводным, плясовым, исполняемым во время

деревенских посиделок. На Севере чаще пели в избе, на посиделках, у поморов там же водили хороводы (П.Н. Рыбников). Этим, вероятно, объясняется различие условий исполнения: южные песни звучат резко, открыто, ориентируясь на широкое пространство, северные – более мягко, строго, в соответствии с пространственным ограничением.

О связи народных музыкантов, исполняющих, а по сути, создающих песню в «соавторстве» с природой, красноречиво свидетельствует традиция брянских календарных песен – гукальных (гуканок), в которых каждая строфа после хорового унисона прерывается сольным женским возгласом на высокой ноте «гу!» («у!»), словно бы обращенным к природным силам. «Гуканки поются обычно на улице, где-нибудь на краю деревни, и эхо, подхватив возглас «У!», раскатывает его по всей окрестности. Певцы прислушиваются некоторое время к эху, затем начинают следующую строфу» [11, 16].

Своеобразие русского музыкального фольклора – факт общепризнанный (как, впрочем, и любой другой национальной культуры), не опровергаемый устоявшейся научной методологией межкультурных контактов и взаимовлияний. Это своеобразие – следствие автохтонности традиционной народной песни, ее изначальной «спаянности» с землей в ее обобщенном, антропоморфном значении («мать – сыра земля» – вершина народной поэтики) и в каждом конкретном, «аборигенном», местном воплощении. При этом знаковый смысл обретают образы природы – лес, степь, река, горы – как носители комплекса народных представлений, верований. Не случайно в некоторых песнях, имеющих конкретные топонимические атрибуты, географический знак становится символическим: «Горы Воробьевские» – символ пустоты, запустения, окаменелости души, оставшейся после гибели родного человека; «Степь Моздокская» – символ душевного одиночества, ярко проступающего на фоне бескрайних российских просторов, всегдашней тяги к родному дому и близким людям. Недаром такие песни имеют и свои «региональные» опознавательные знаки; например, казаки – некрасовцы пели «Ой вы, горы мои, да все Майносские» [12], сохраняя память о временах обитания этой ветви потомков донских казаков на озере Майнос в Турции.

Русская народная песня, особенно в ее «вершинном варианте» – лирической протяжной песне, теснейшим образом «переплетает» два пространства: бескрайнюю российскую равнину, степь с лесами и перелесками, горами и хребтами – пространство русской провинции в ее гео-метафизическом смысле и пространство русской души, бездонное и безграничное. Отсюда народное определение «песня льется как река», а сами песни в разных местах называли «долгими», «проголосными», «тянучими». «Нельзя исключить вероятность того, что именно музыкальная культура русского народа (неотделимая от сферы языка) и является наиболее полным и правдивым слепком внутренней сущности народа, пластично выражая не поддающиеся вещественному опредмечиванию ментальные реальности и смыслы, давая возможность целостного постижения этнического Космо-Психо-Логоса в многообразии его одновременных проявлений и историческом становлении» [4, 103].

Все жанровое многообразие русского народно-песенного творчества в его становлении, исторической трансформации, регионально/локальном разнообразии является своеобразным «самоописанием» российской провинции – в ее пространственном (автохтонном, коренном), временном (историческом), ментальном (как хранителя традиционных ценностей) «измерении».

ЛИТЕРАТУРА

1. Афиани, В. Ю. Провинция. Пространство и культурное взаимодействие / В. Ю. Афиани // Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни: материалы III Всеросс. науч. конф. Кн. 1. – Пенза: Департамент культуры Пензенской области, 1996. – С. 25-38.
2. Балахонский, В.В. Провинциальная культура и объяснение событий российской истории / В. В. Балахонский // Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни: материалы III Всеросс. науч. конф. Кн. 1. – Пенза: Департамент культуры Пензенской области, 1996. – С. 225-233.
3. Гоголь, Н. В. Петербургские записки 1836 г. / Н. В. Гоголь // Н. В. Гоголь. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. – М.: Печатник, 1913. – 343 с.

4. Данченкова, Н. Ю. Победа над «пространств застывшей немостою» / Н. Ю. Данченкова // Цветы необычайные: народная художественная культура России рубежа веков. Культуроведческие перспективы. – М.: Прогресс, 2002. – 496 с.
5. Зайцева, Т. А. Проблема взаимодействия традиции и новации в контексте изучения многообразия культурного опыта (региональные и локальные измерения) / Т. А. Зайцева // Вестник Томского государственного университета: Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 11- 8.
6. Земцовский, И. Этномузыковедческие заметки об этнической традиции / И. Земцовский // Б. Н. Путилов. Фольклор и народная культура. In memorigiam. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – С. 293-313.
7. Злотникова, Т. С. Ярославль: жизнь людей, их тревоги и заботы / Т. С. Злотникова // Безопасность Евразии: Журнал личной, национальной и коллективной безопасности. – 2003. – № 3, июль-сентябрь. – С. 48-69.
8. Каганский, В. Л. Россия. Провинция. Ландшафт / В. Л. Каганский // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. – 2006. – № 5. URL: <http://strana-oz.ru/authors/?author=76>
9. Лапин, В. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды / В. Лапин. – М.: Моск. гос. фольклор. центр «Рус. песня», 1995. – 200 с.
10. Лобанов, М. А. Лесные кличи. Вокальные мелодии – сигналы на Северо-Западе России / М. А. Лобанов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та., 1997. – 232 с.
11. Свитова, К. Г. Народные песни Брянской области / К. Г. Свитова. – М.: Музыка, 1966. – 242 с.
12. Тумилевич, Ф. В. Песни казаков-некрасовцев / Ф. В. Тумилевич. – Ростов/Д.: Ростиздат, 1947. – 55 с.
13. Чистов, К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории / К. В. Чистов. – Л.: Наука, 1986. – 304 с.
14. Щуров, В. М. Жанры русского музыкального фольклора: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1: история, бытование, музыкально-поэтические особенности / В. М. Щуров. – М.: Музыка, 2007. – 400 с.
15. Юдина, В. И Музыкальная провинциология. Теория. История. Практика: моногр. / В. И. Юдина. – Орел: ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2011. – 242 с.
16. Юдина, В. И. Проблема локальности музыкального фольклора в культурологическом ракурсе / В. И. Юдина // Самарский научный вестник: Научный журнал. – 2014. – № 4(9). – С. 149-150.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Традиционализм и традиционность рассматриваются нами как синонимичные категории, фиксирующие устойчивое следование традиции. Заметим, что в научной литературе существуют различные основания дифференциации и/или конкретизации этих понятий. Например, традиционность рассматривается как осознание наличия и ценности традиции, а традиционализм – как абсолютная приверженность традициям, «невозможность их нарушения вообще или в конкретных сферах жизнедеятельности» [5, 17].